

АЖЕННИФЕР
ЭШИИ

*Ее первая
любовь*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Э98

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jennifer Ashley
THE SEDUCTION OF
ELLIOT MCBRIDE

Перевод с английского *И. П. Родина*
Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства
The Berkley Publishing Group,
a member of Penguin Group (USA) Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Эшли, Дженнифер.

Э98 Ее первая любовь : роман / Дженнифер Эшли ; [пер. с англ. И. П. Родина]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-083624-6

Они встретились в трудную минуту — Джулиана Сент-Джон, брошенная женихом у алтаря, и друг ее юности Эллиот Макбрайд, который долгие годы провел на чужбине, а по возвращении получил в свете репутацию опасного безумца. И девушка в порыве отчаяния предложила Эллиоту себя в жены...

Отныне домом для молодой четы стало овеянное легендами Шотландское нагорье. Именно здесь Джулиане предстоит во что бы то ни стало избавить супруга от демонов прошлого и заново научить любить и быть любимым, надеяться и верить в счастье...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Jennifer Ashley, 2012
© Перевод. И.П. Родин, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-083624-6

Глава 1

Шотландия
1884 год

Жених Джулианы Сент-Джон уже на целый час опаздывал на собственную свадьбу. Пока Джулиана в атласном платье и с букетом желтых роз сидела в ожидании, многочисленные друзья и родственники носились по залитому дождем Эдинбургу, пытаясь выяснить, что случилось с женихом.

Посаженная мать Эйнсли Маккензи пыталась приободрить невесту. Этим же, но по-своему занималась и мачеха Джулианы — Джемма. Однако в глубине души Джулиана понимала, что произошло нечто ужасное.

Когда обескураженные друзья Гранта вернулись ни с чем, Эйнсли отправила на поиски мужа — высокобрутального шотландца. У него результат оказался другим.

Лорд Камерон Маккензи приотворил дверь в ризницу ровно настолько, чтобы просунуть внутрь голову.

— Эйнсли, — позвал он и опять закрыл дверь.

Та сжала руки невесты, которые к этому моменту были холодны как лед.

— Не думай ни о чем, Джулиана. Я сейчас пойду разберусь, что там такое.

Мачеха Джулианы, которая была старше своей падчерицы всего на десять лет, пылала гневом. Она не сказала ни слова, но Джулиана отчетливо видела, что каждое ее движение полно ярости. Джемма терпеть не могла Гранта, а его мать она любила и того меньше.

Эйнсли вернулась практически сразу.

— Джулиана, — осторожно произнесла она и протянула невесте руку, — пойдем со мной.

Когда кто-нибудь начинает говорить таким тоном, значит, дальше последуют дурные вести. Джулиана встала, зашуршав атласом. Джемма двинулась вслед за ней, но Эйнсли остановила ее:

— Только Джулиана. Я так думаю.

Известная своим капризным характером, Джемма вознамерилась было запротестовать. Но она была и умницей. Поэтому только кивнула Джулиане, пожав ей руку:

— Я подожду тебя здесь, дорогая.

У Джулианы характер тоже был не сахар, однако, оказавшись под дождем на церковном дворе, она не ощущала ничего, кроме тупого оцепенения. Их помолвка с Грантом длилась несколько лет, и свадьба оставалась где-то там, в уютном далеке, но когда ее день настал, это стало чем-то вроде потрясения. И что теперь...

Грант заболел? Может, умер?

Над городом висела пелена тумана, сыпал мелкий дождь. в своем роскошном платье Эйнсли повела Джулиану через небольшой двор. Под высокими каблуками новых белых туфель зачавкала грязь.

Так они дошли до крытого арочного прохода, и, оставив за спиной главный двор, Эйнсли двинулась по нему. Хорошо хоть, что остальные гости оставались в церкви, откуда могли наблюдать за происходящим и строить различные догадки по поводу того, что что-то пошло не так. Под аркой на ветру в одиночестве

стоял лорд Камерон. Широкоплечий гигант был одет в килт из шотландки цветов клана Маккензи. Когда они приблизились, Камерон пристально посмотрел на Джулиану темно-серыми глазами.

— Я нашел его.

Джулиана продолжала оставаться в оцепенении. Все казалось каким-то нереальным — Камерон, это низкое небо над головой, ее свадебное платье.

— Где он? — спросила она.

Камерон серебряной фляжкой махнул в сторону.

— Сидит в карете за церковью. Хотите с ним поговорить?

— Конечно, я хочу с ним поговорить. Я собираюсь выйти за него...

Она заметила взгляды, которыми обменялись Эйнсли и Камерон. Перехватила вспышку гнева в глазах Эйнсли и отражение этой вспышки в глазах Камерона.

— Что такое? — Джулиана схватила Эйнсли за руку. — Скажите мне, пока я не сошла с ума.

Первым среагировал Камерон.

— Беркли сделал ручкой, — подчеркивая каждый слог, сказал шотландец. — Он уже женат.

— Женат? — Губы не слушались. — Но он собирается жениться на мне.

Джулиана понимала, что в такой день лорду Камерону меньше всего на свете хотелось устраивать охоту за ее женихом, а потом сообщать ей, что этот человек сбежал с другой женщиной. Но продолжала упорно смотреть на него, словно он вместо этой мог рассказать ей какую-то другую историю.

— Он женился вчера во второй половине дня, — продолжил Камерон. — На женщине, которая учила его играть на рояле.

Безумие какое-то. Шутка, должно быть.

— Миссис Макиннон, — без всякого выражения произнесла Джулиана. И вспомнила темноволосую

женщину в блеклом платье, которая иногда во время ее визитов стояла рядом с матерью Гранта. — Она ведь вдова. — Джулиана не удержалась от короткого смешка. — Теперь уже нет, полагаю.

— Я сказал ему, что он должен соблюсти приличия и все объяснить вам лично, — пророкотал Камерон. В его раскатистом голосе послышался грохот необработанных камней. — Поэтому я привез его сюда. Хотите поговорить с ним?

— Нет, — быстро ответила Джулиана. — Нет! — Мир снова начал вращаться вокруг.

Камерон вложил ей в руку фляжку.

— Отхлебните немного, милая барышня. Это смягчит удар.

Приличная леди не может позволить себе употреблять спиртное, и Джулиану воспитывали именно в таком духе, но события развивались абсолютно неприличным образом.

Она запрокинула фляжку, и тонкая струйка жгучего скотча пролилась ей в рот. Джулиана закашлялась, поперхнулась, снова закашлялась и прикрыла рот рукой, тогда Камерон отобрал у нее питье.

Возможно, прикладываться к виски не стоило. То, о чем рассказал Камерон, начало приобретать реальные очертания.

Две сотни приглашенных сидели в церкви, дожидаясь венчания Джулианы Сент-Джон и Гранта Беркли. Теперь нужно предложить им отправиться по домам. Надо будет вернуть две сотни подарков и отправить две сотни писем с извинениями. Газеты возликуют.

Джулиана приложила ладони к щекам. Она не любила Гранта, но ей казалось, что им удалось стать добрыми друзьями, уважительно относившимися друг к другу. Однако... Грант не удостоил ее даже этого!

— Что мне теперь делать?

Камерон сунул фляжку под сюртук.

— Мы отвезем вас домой. Я подгоню сюда экипаж. Не нужно, чтобы нас кто-нибудь увидел.

Это было очень любезно. Эйнсли и Камерон действительно по-доброму относились к ней. Но Джулиане сейчас не была нужна ни любовь, ни нежность. Ей хотелось надавать пинков, отомстить, не только Гранту, но и самой себе. Помолвка дала ей чувство защищенности, сделала самодовольной, словно для нее перестала существовать опасность остаться в старых девах. И дело не только в этом. Ей хотелось стабильности, хотелось нормальной жизни, за что она и боролась все время.

Только что будущее рассыпалось перед ней в прах, надежный выбор оказался пустышкой. Потрясение сделало ее бесчувственной, но вся тяжесть раскаяний и сожалений еще впереди.

Внезапно замерзнув, Джулиана потеряла руки.

— Не сейчас. Пожалуйста, дайте мне минутку. Мне надо немного побыть одной.

Эйнсли обернулась и окинула взглядом двор, куда из церкви уже стали выходить приглашенные на свадьбу.

— Только не туда. Отправляйся в часовню. А этих мы удержим.

— Благослови тебя Господь, Эйнсли. — Но пере-силить себя и обнять подругу Джулиана не смогла.

Она позволила довести себя до дверей часовни, которую перед ней распахнул Камерон. Провожатые отступили в сторону, и Джулиана вошла внутрь. Дверь захлопнулась.

В часовне было холодно, сумрачно, но тихо и спокойно. На мгновение Джулиана задержалась перед голым алтарем, подняв глаза к висевшему над ним скромному распятию, одинокому и ничем не украшенному.

Грант женился! На миссис Макиннон!

Только сейчас до Джулианы дошел смысл того, что проходило перед ее глазами несколько последних месяцев и чему она не придавала значения. Вот Грант с миссис Макиннон сидят бок о бок за пианино его матери, вот обмениваются улыбками, вот обмениваются взглядами. Вот Грант меланхолично смотрит на Джулиану так, словно хочет сказать ей что-то важное, но вместо этого бросает шутку или делает какое-нибудь идиотское замечание.

Теперь-то она поняла, что он собирался сказать: «Мисс Сент-Джон, я влюбился в свою учительницу музыки и хочу жениться на ней, а не на вас».

Какой скандал! Какое унижение!

Джулиана стиснула кулаки. И как только провидение могло оказаться таким слепым! Но даже в таком состоянии ей было понятно, что богохульство в часовне — вещь неприемлемая.

Джулиана резко развернулась и кинулась к скамьям, венчальное платье цвета слоновой кости вздыбилось вокруг нее.

— Чтоб ты провалился! — выпалила Джулиана и рухнула на ближайшую скамью.

И с размаху уселась аккуратно на что-то, что вдруг зашевелилось под ней. Это что-то оказалось одетым в килт широкоплечим длинноногим молодым парнем, который приподнялся на локтях. Она разбудила его, бухнувшись ему на бедра всеми ста двадцатью фунтами веса своего женского тела в свадебном облачении.

— Какого черта! — Серые глаза, такого же оттенка, что и у Эйнсли, блеснули на загорелом лице, какого не бывает у тех, кто постоянно живет в Шотландии.

Эллиот Макбрайд явно не мучился угрызениями совести за ругань в храме. Или за то, что улегся здесь спать.

Джулиана слегка покраснела, но не могла шелохнуться. Она смотрела, как Эллиот, привстав, сдвинул-

ся в угол скамьи. Его обутые в сапоги ноги остались лежать на скамье.

— Эллиот? — ахнула Джулиана. — Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь найти тихий уголок, — ответил тот. — Вокруг слишком многолюдно.

— Я имела в виду здесь, в Шотландии. Мне казалось, что ты в Индии. Эйнсли так сказала.

Эллиот Макбрайд был одним из многочисленных братьев Эйнсли, в которого Джулиана еще девочкой — лет эдак сто назад — безумно влюбилась. Потом он исчез, отправился в Индию зарабатывать состояние, и с тех пор она его не видела.

Эллиот погладил заросший подбородок. Однако пахло от него приятно — мылом и свежестью, словно он только что принял ванну.

— Решил вернуться домой.

Немногословность — это слово прекрасно подходило для описания Эллиота Непокорного Макбрайда. Он был большим, сильным, и от его соседства у нее захватывало дух. То же самое состояние Джулиана испытывала, когда была ребенком, а он необузданным братом Эйнсли. А потом еще раз, когда она уже была гордой дебютанткой, а Эллиот прибыл на ее первый бал при всех своих армейских регалиях.

Джулиана пересела на самый край скамьи, возле его ног. На башне церкви зазвонил колокол, отбивая время.

— Вроде бы ты сейчас должна быть там, детка? — спросил Эллиот. Он вытащил из-под сюртука фляжку и отхлебнул из нее, но в отличие от Камерона не предложил Джулиане. — Чтобы выйти за как его там бишь?

— Грант Беркли. Я должна была стать миссис Грант Беркли.

Фляжка зависла на полпути ко рту.

— Должна была стать? Ты бросила этого мерзавца с рыхлой мордой?

— Нет, — покачала головой Джулиана. — Он сам сбежал от меня. И по всей видимости, вчера женился на своей учительнице музыки.

Она почувствовала, что оказалась на грани. Внутри вдруг родился какой-то странный смех и вырвался наружу. Это была совсем не истерика. Но ей не под силу было остановить хохот, идущий из самого нутра.

Эллиот лежал неподвижно, словно животное, которое решало, броситься в атаку или бежать прочь. Бедняжка Эллиот! Как он должен был поступить с леди, которая упала на него спящего, а потом зашла в неудержимом смехе, оттого что ее бросил жених?

Смех прекратился сам собой. Она вытерла глаза кончиками пальцев. Ее темно-рыжие волосы рассыпались в беспорядке, желтая роза, которую Эйнсли заколола ей в прическу, упала на колени.

— Дурацкие цветы!

Эллиот замер, вцепившись рукой в спинку скамьи с такой силой, что даже странно, что дерево не треснуло. Он смотрел, как смеется Джулиана. Ее роскошные волосы накрыли голые плечи. Она улыбалась, хотя голубые глаза были полны влаги, а длинные пальцы рук, которыми она взяла с колен цветок, дрожали.

Ему хотелось заключить ее в объятия и прижать к себе. «Ну вот, — надо было сказать. — Это даже к лучшему — избавиться от такого идиота». Стойкий инстинкт побуждал его пойти и найти Гранта Беркли, а потом пристрелить его за то, что он сделал ей больно.

Но Эллиот понимал, что, стоит ему коснуться Джулианы, он уже не остановится. Он запрокинет ей голову и поцелует в губы так, как сделал в ночь ее первого бала, когда она позволила ему один поцелуй.

Им обоим было по восемнадцать. Еще до того, как он отправился в ад и вернулся назад, одного поцелуя

ему было достаточно. Теперь, после всего, что пришлось пережить, этого будет мало.

Он покроеет поцелуями ее шею, спустится к груди, уткнется лицом в кружевной вырез платья, потом станет целовать ей плечи. Потом найдет спелые губы, проведет по ним кончиком языка, чтобы она позволила ему войти в нее.

Он стал бы целовать нежно и не торопясь, пробуя ее на вкус, прижимая к себе, чтобы не позволить уйти.

Эллиоту нужно было получить от нее все, потому что один только Бог знает, когда ему выпадет такой шанс в следующий раз. Человек-развалина научился наслаждаться, когда появится первая возможность.

— Теперь это прилипнет ко мне на всю жизнь, — сказала Джулиана. — «Бедная Джулиана Сент-Джон! Разве ты забыла? Она ведь уже оделась в подвенечное платье и отправилась в церковь, бедняжка».

Что мог мужчина сказать женщине, находившейся в таком состоянии? Ему захотелось стать красноречивым, как его братец-адвокат, который ради хлеба насущного, выступая в Верховном суде, произносил складные речи. Однако Эллиот мог только резать правду-матку.

— Ну и пусть они говорят. Наплевать.

Джулиана грустно улыбнулась:

— Никому на свете не безразлично, что они говорят. Возможно, тут это несколько по-другому, чем в Индии.

О Господи!

— Там чертовски строгие правила. Нарушив их, можно умереть самому или невзначай убить кого-нибудь.

Джулиана захлопала глазами.

— О! Даже так? Признаю, это звучит намного серьезнее. Здесь-то люди ожидают от меня всего-навсего, что, умирая от стыда, я затворюсь в уединении и до скончания века буду вязать носки.

— За каким чертом тебе нужно вязать носки? Занимайся чем хочешь.

— Какой же ты оптимист! Все не так просто. Боюсь, мне еще долго будут перемывать косточки. Вдобавок меня отправили на полку. Тридцать лет, и уже не инженерю. Я знаю, что у многих дам помимо замужества есть и другие занятия. Но я уже стара для того, чтобы отправиться на учебу в университет. И кроме того, мой отец умрет от стыда, если его дочь станет синим чулком. Меня воспитали, чтобы разливать чай, устраивать именины и говорить правильные вещи жене викария.

Эллиот пропустил ее слова мимо ушей, отмечая только музыкальность голоса, который действовал на него умиротворяющее. Он улегся на спину и, вслушиваясь в ее разговор, вдруг сообразил, что уже давно ему не было так спокойно.

«Если бы вот так слушать ее всегда, если бы можно было засыпать под звуки ее голоса, тогда, может, я пришел бы в себя в конце концов».

Нет, ничего уже не станет таким, как раньше, после всего, что он видел, натворил сам, и после того, что сотворили с ним. Он думал, что как только вернется в Шотландию, все это прекратится — сны, бесконечный страх, провалы в памяти, когда время уходит и непонятно, куда оно ушло. Но все было как прежде, и легче не становилось. И он понял, что придется взяться за осуществление следующей части своего плана.

Джулиана внимательно разглядывала его. Ее голубые глаза были прозрачны, как озера летом. Воспоминания об этих глазах, о ее красоте, долгое время поддерживали его в темноте.

Временами он видел во сне, что она рядом и пытается его разбудить. У него в ушах звучал ее чарующий

голос: «Пойдем, Эллиот. Проснись! Мой воздушный змей запутался в ветках дерева. Кроме тебя, больше нет никого такого высоченного, кто смог бы достать его».

Он вспомнил тот день, когда в первый раз понял, что испытывает к ней. Им тогда, должно быть, было по шестнадцать. Она запускала воздушного змея для детей друзей его отца, а Эллиот пришел посмотреть на забаву. Он все-таки снял змея с дерева и заслужил улыбку розовых губ и нежный поцелуй в щеку. В тот момент он пропал. Окончательно и навсегда.

— Эллиот, ты спишь?

Перед его закрытыми глазами проносились воспоминания, а теперь в них вклинился голос Джулианы. Он приоткрыл глаза и всмотрелся в нее.

— Наверное.

— Ты меня слушал или нет? — Ее лицо слегка по-розовело в сумеречном свете.

— Извини, девочка. Я чуть-чуть под мухой.

— Вот и отлично. Я не о том, что ты пьян, а о том, что ты не слышал меня. Не обращай внимания. Это была глупая идея.

Эллиот широко открыл глаза, мозг послал сигнал тревоги. Что, черт возьми, он прослушал?

Подступавшая изнутри темнота иногда выделявала с ним такие штуки. Эллиот мог пропустить большую часть беседы с кем-нибудь и даже не заметить этого. Он приходил в себя, понимая, что люди ждут его ответа и удивляются, что с ним происходит. Поэтому Эллиот решил, что лучше будет избегать людей и разговоров с ними.

Но в случае с Джулианой ему захотелось узнать.

— Повтори еще раз.

— Не уверена, что должна это делать. Если бы это была сногшибательная идея, ты бы тут же схватился за нее. А если нет...

— Джулиана, клянусь... Я просто отключился ненадолго. И хочу услышать твою сногшибательную идею.

— Нет, не хочешь.

Женщины! Даже та, в кого он был годами тайно влюблен, могла довести его до белого каления.

Эллиот поднялся и придвинулся к ней ближе. Вытянув руку вдоль спинки скамьи, он не дотронулся до Джулианы, но сидел так близко, что мог чувствовать исходившее от нее тепло.

— Джулиана, скажи. Иначе я тебя защекочу.

— Мне уже не восемь лет, Эллиот Макбрайд.

Он чуть не засмеялся в ответ на ее заносчивость.

— Мне тоже. Когда я говорю «защекотать», это совсем не означает, что теперь я буду делать то же самое, что тогда. — Он провел пальцем по ее обнаженному плечу.

Ошибка! Прикоснувшись к ней, он через руку будто получил тепловой удар, который достиг его сердца.

Ее губы были рядом, спелые и сочные. Бледные веснушки на носу, всего десять штук. Они у нее были всегда, и она всегда пыталась избавиться от них. Но Эллиоту всегда хотелось поцеловать каждую.

Взгляд Джулианы стал сосредоточенным, и она тихо выдохнула:

— Я спросила, Эллиот, может, ты женишься на мне?

Глава 2

Эллиот замер. Его серые глаза напоминали цветом зимнее небо и были такими же холодными.

Джулиана сообразила, что когда готовилась задать свой вопрос, то думала об Эллиоте как о веселом юноше с теплым взглядом, каким он был когда-то. Этот Эллиот Макбрайд был ей незнаком — светлые

волосы коротко пострижены, лицо жесткое, с тонким шрамом на щеке.

Этот Эллиот выслеживал и убивал других людей, был взят в плен и пробыл в нем так долго, что они все начали бояться, что он так и умрет в заключении. Десять месяцев, когда о нем не было ни слуха ни духа, стали самыми тяжелыми в жизни Джулианы. Он вернулся в дом своего брата, чтобы восстановить силы, но тогда Джулиана не виделась с ним. Эллиот не ездил с визитами и сам никого не принимал, а потом исчез, снова отправившись в Индию.

— Я же сказала — глупая идея, — быстро повторила Джулиана. — Что-то ты побледнел, Эллиот, поэтому не думай ни о чем. Я не собиралась запугивать тебя до смерти. Продолжай дремать.

Он бросил взгляд на голый алтарь, а потом снова посмотрел на нее. В этом холоде его рука на ее спине казалась горячей.

— Совсем не глупая. Мне кажется, это великолепная идея.

— Нет, правда. Притворись, будто я ничего не сказала. В первый раз ты ведь не услышал меня.

Рука Эллиота сдвинулась и легла ей на плечо. Его внутренняя сила вместе с теплом словно перетекала в ее замерзшее тело.

— Не могу сделать вид, что не услышал тебя во второй раз, девочка.

— Беру свои слова назад. Перееду к отцу и начну возвращать подарки. У меня все тщательно зафиксировано, как я это всегда делаю. Джемма смеется надо мной за эти списки и записи, но теперь поблагодарит меня за них.

Она широко улыбнулась. Ее глаза засияли. Сердце Эллиота колотилось так громко, что ему показалось удивительным, почему он не слышит в тишине его эхо.